
«Итак – кончается уже окончательно мой пражский период»: жизнь С.И. Гессена на фоне мемуаров и эпистолярия 1920–1930-х годов

© 2021 г. О.Е. Осовский^{1*}, В.П. Киржаева^{2**}

¹ Мордовский государственный педагогический университет им. М.Е. Евсевьева,
Саранск, 430007, ул. Студенческая, д. 11а.

² Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева,
Саранск, 430005, ул. Большевикская, д. 68.

* E-mail: osovskiy_oleg@mail.ru

** E-mail: kirzhaeva_vera@mail.ru

Поступила 16.07.2020

В статье рассматриваются важнейшие события биографии С.И. Гессена второй половины 1920–1930-х гг. Пребывание философа в Праге было отмечено значительными научными достижениями, активной философской и педагогической, редакционно-издательской и общественной деятельностью, публикацией работ, упрочивших его известность не только в среде русской эмиграции, но и в европейских интеллектуальных кругах. В связи с нарастающим мировым экономическим кризисом, завершением «русской акции» в Чехословакии заметно ухудшаются условия для преподавательской работы в высшей школе и материальное положение ученого. Авторы показывают, насколько спасительным становится для С.И. Гессена переезд в Варшаву, где открывается новое поле для научной и педагогической деятельности. В Варшаве он входит в круг ведущих польских специалистов по проблемам воспитания, философии и политики образования и школьной дидактики, создает новую семью. Предложенный в статье фрагмент биографии ученого реконструирован на основе архивных материалов и воспоминаний, значительная часть которых впервые введена в научный оборот. Статья сопровождается публикацией писем С.И. Гессена П.Н. Савицкому, подготовленной Осовским О.Е. и Киржаевой В.П.

Ключевые слова: С.И. Гессен, Прага, Варшава, биография, русская эмиграция, педагогика, мемуары, переписка.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-1-132-149

Цитирование: *Осовский О.Е., Киржаева В.П.* «Итак – кончается уже окончательно мой пражский период»: жизнь С.И. Гессена на фоне мемуаров и эпистолярия 1920–1930-х годов // Вопросы философии. 2021. № 1. С. 132–149.

“So, my Prague Period is Finally Ending”: S.I. Hessen’s Life in the Context of Memoirs and Epistolary of the 1920–1930s

© 2021 Oleg E. Osovskiy^{1*}, Vera P. Kirzhaeva^{2**}

¹ Mordovia State Pedagogical University,
11a, Studencheskaya str., Saransk, Mordovia, 430007, Russian Federation.

² Mordovia State University,
68, Bol’shevistskaya str., Saransk, Mordovia, 430007, Russian Federation.

* E-mail: osovskiy_oleg@mail.ru

** E-mail: kirzhaeva_vera@mail.ru

Received 16.07.2020

The article deals with the most important events in the biography of Sergei Hessen in the second half of the 1920s – 1930s. The philosopher’s life in Prague was marked with significant scholarly achievements, active philosophical and pedagogical, editorial and publishing, social activity, the publication of works that strengthened his fame not only among the Russian emigration, but also with the European intellectual circles. Due to the growing world economic crisis, the end of the “Russian action” in Czechoslovakia, the conditions of his professorship and his financial situation were noticeably worsening. The authors show how salutary for S. Hessen was his leave for Warsaw. There the new field for scholarly and pedagogical activity opened up. In Warsaw he became one of the leading Polish experts in pedagogy, philosophy and politics of education and school didactics. He also managed to get a new family. The fragment of the scholar’s biography is reconstructed on the basis of archival materials and memoirs, a significant part of which was introduced into scientific circulation for the first time. The article is accompanied by the publication of S.I. Hessen’s letters to P.N. Savitsky, prepared by O.E. Osovskiy and V.P. Kirzhaeva.

Keywords: Sergei Hessen, Prague, Warsaw, biography, Russian emigration, pedagogy, memoirs, correspondence.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-1-132-149

Citation: Osovskiy, Oleg E., Kirzhaeva, Vera P. (2021) “So, My Prague Period is Finally Ending”: S.I. Hessen’s Life in the Context of Memoirs and Epistolary of the 1920–1930s’, *Voprosy filosofii*, Vol. 1 (2021), pp. 132–149.

За прошедшие 110 лет со времени первой масштабной публикации Сергея Иосифовича Гессена [Hessen 1909] его философскому и педагогическому наследию уделялось немало внимания: от рукописных и устных оценок его первых работ Г. Риккертом, П. Наторпом, Й. Коном, Л.М. Лопатинным, коллегами по немецкой и русской редакциям журнала «Логос» в Германии и России, Г.В. Плехановым в 1917 г. и характеристик его научных идей в очерках В.В. Зеньковского, Н.О. Лосского и Б.В. Яковенко в 1930–1950-е гг. [Зеньковский 1991; Лосский 1991; Яковенко 2003] до относительно недавних статей и монографий А. Валицкого, Е.Г. Осовского, Л.Г. Абрамовой, Е.Е. Седовой и др. [Валицкий 1998; Осовский 1993; Абрамова 2003; Седова 2006]. Российская наука дала в достаточной степени систематизированное описание философского, педагогического и историко-культурного наследия С.И. Гессена, подготовив издание его трудов [Гессен 1995; Гессен 1998*; Гессен 2001; Гессен 2010] и определив его вклад в отечественную

гуманитаристику XX в. Сегодня очевидна и роль Гессена в развитии европейской философско-правовой и педагогической мысли 1930–1950-х гг.

Однако научная биография мыслителя до сих пор не создана. Причины этого понятны: эмиграция из России в конце 1921 г., «жизнь на бивуаке» (Гессен) в берлинский и пражский периоды, практически полная гибель довоенного личного архива во время Варшавского восстания 1944 г. серьезно затрудняют исследовательскую работу. «Мое жизнеописание», написанное в 1947 г. для итальянского издания сочинений Гессена, лишь отчасти восполняет лакуны биографии в силу не только небольшого объема, но и очевидных «самоцензурных» ограничений. При этом «Мое жизнеописание» остается поразительным документом эпохи, свидетельством несомненного литературного таланта Гессена и встает в один ряд с «Самопознанием» Н.А. Бердяева, «Бывшим и несбывшимся» Ф.А. Степуна, мемуарными очерками В.В. Зеньковского. В этом контексте несомненную ценность представляют и опыты реконструкции истории журнала «Логос» в петербургский и пражский периоды [«Логос» 2005; Шитов 2010; Шитов 2012], и монография о томском периоде жизни Гессена [Найбороденко, Фоминых 2013]. Уточнение отдельных деталей биографии предпринималось и авторами предлагаемой статьи [Осовский, Киржаева 2017⁶; Киржаева, Осовский 2019].

Реконструкция научной биографии фигур подобного масштаба требует особой методологии, позволяющей, наряду с традиционными приемами историко-биографического исследования, привлекать и новый инструментарий. Традиционный алгоритм поиска предполагает обращение ко всему корпусу доступных документов: архивным материалам, газетной и журнальной периодике, письмам и воспоминаниям не только героя биографии, но широкого круга лиц, имевших к нему отношение, и т.п. Фактически исследователь выстраивает ряд «кейсов», каждый из которых уточняет и дополняет предшествующий и становится предметом осмысления в рамках «микроистории» (К. Гинзбург). Близкий по сути подход имманентно содержится в известной дихотомии «большое время – малое время» М.М. Бахтина, для которого малое время «своей современности» определяет оптику погружения в конкретный момент бытия, позволяя воссоздать «маленький мирок» года, дня или часа, исчезающий в формате большого времени, но чрезвычайно важный для восстановления биографического контекста. Очевидно, что одной из форм малого времени является время биографическое, то есть внутреннее время человеческой биографии. По своим характеристикам оно практически совпадает с тем, что Бахтин, постепенно приближаясь к формулировке категории «малое время», вкладывает в содержание понятия «малый опыт», более раннего и так и не развившегося в термин его словаря. «В малом опыте – один познающий (все остальное – объект познания), – писал он в начале 1940-х во фрагменте “К вопросам самопознания и самооценки”, – один свободный субъект (все остальное – мертвые вещи), один живой и незакрытый (все остальное – мертво и закрыто), один говорит (все остальное безответно молчит)» [Бахтин 1996, 78].

На этом фоне понятна особая роль эпистолярия и мемуаров, соединение которых в общем пространстве одной биографии позволяет создавать многомерную реальность определенного отрезка жизни биографического героя. Примечательные примеры этого можно найти в публикации писем деятелей русской эмиграции в «Вопросах философии», «Ежегоднике Дома русского зарубежья» и др. [Из переписки 2014; Михальченко, Ткаченко 2017; Оболевич, Цыганков 2018; Письма 2010; Письма 2011; Письма 2012; Федор Степун 2013]. Особое место в этом ряду занимает опубликованный О.А. Коростелевым и М. Шрубой четырехтомный архив редакции парижского журнала «Современные записки», представляющий уникальный опыт построения интеллектуальной истории русской эмиграции первой волны сквозь призму переписки редакторов и авторов журнала [Современные записки 2011–2014].

Рабочая модель подобного подхода достаточно проста: соответствующее место воспоминаний дополняется информацией из писем или иных документов. Вот как соединение фрагмента мемуаров Гессена со «смежным» по времени отрывком из письма

Ф.А. Степуна к О.А. Шор создает «дополненную реальность», иллюстрируя гессеновские строки живым свидетельством очевидца. Гессен конспективно обозначает важнейшие вехи жизни в Германии – от первых берлинских дней до пребывания во Фрайбурге и Йене и ведения курсов в Русском научном институте: «После короткого пребывания в Финляндии я переехал в Берлин, где, остановившись у отца, засел за писание книги “Основы педагогики”. Книгу эту я написал в Прусской государственной библиотеке, куда ходил ежедневно, как на службу, в течение нескольких месяцев. Закончил я ее во Фрейбурге, где провел лето 1922 г.» [Гессен 1998⁶, 748]. Но ни восстановление связей с прежними немецкими приятелями-неокантианцами, ни выступление с докладами, в частности в Философском обществе при Йенском университете, не принесли желаемого результата – профессиональной интеграции в университетское сообщество. Не слишком плодотворным оказалось и сотрудничество с вновь созданным Русским научным институтом и Религиозно-философской академией. «В конце 1922 г., – вспоминал он, – в Берлин приехала группа русских ученых, высланных из Советского Союза, и основала в 1923 г. Русский научный институт в Берлине. Будучи привлечен к сотрудничеству, я переехал в Берлин, где в 1923/24 учебном году прочел в Институте курс лекций по логике» [Там же].

Реальное настроение Гессена в октябре 1922 г. передают строки из письма его друга Ф.А. Степуна: «Сереза – грустен, озабочен, неприкаян и ущемлен. Радость и блеск томской деятельности и славы отошел. В доме Иосиф-Владимировича он никак не поставлен в размер своей сущности и заслуг. В семье будни, безденежье и забота. Женю все лето оперировали, Женю надо отдать в пансион и т.д. и т.д. В философии – религиозно-онтологические поветрия; – Серезин стиль – в опале» [Федор Степун 2013, 256–257]. На непростые отношения отца и деда в этот период проливают свет воспоминания младшего сына философа – Д.С. Гессена: «Он [дед] был человеком дела. Он был предприимчив, энергичен и щедр, и, надо сказать, очень много сделал для многих людей в эмиграции... моего отца он считал, очевидно, дурачком, таким юродивым. Говорил, что философия – это такой умственный онанизм. Это потому, что он был человеком дела. Но по-своему он, кажется, очень любил моего отца» [Гессен 2011, 426]. Правда, с годами мнение И.В. Гессена меняется, и в 1937 г., вспоминая младенчество сына, он пишет: «...меньше всего можно было угадать в нем будущего, до суетливости подвижного, беззаветно доверчивого – его приятель, молодой ученый, говаривал мне: “Как я завидую Сергею Иосифовичу – у него все люди ангелы!” – страстно работоспособного профессора, ставшего, кстати сказать, вместо меня, специалистом по педагогике и, в противоположность мне, охотником до абстрактного мышления» [Гессен 1937, 85].

Высказанная в письме Степуна надежда, что выход «Основ педагогики» «изменил дело» [Федор Степун 257], отчасти оправдалась – но не в Германии, а в Чехословакии, куда С.И. Гессен переезжает в 1924 г., чтобы занять место профессора в Русском педагогическом институте имени Я.А. Коменского и активно включиться в общественно-педагогическую, философскую и литературную жизнь русской Праги. «Осенью 1923 г. вышла в Берлине моя книга “Основы педагогики”. Это облегчило моим друзьям в Праге (С. Карцевскому, привлечшему меня к редактированию основанного им в 1923 г. журнала “Русская школа за рубежом”, Г.Д. Гурвичу, переехавшему в начале 1923 г. в Прагу) выставление моей кандидатуры на профессора педагогики в организуемом в Праге Русском педагогическом институте. Весною 1924 г. я переехал в Прагу и в течение 4-х лет преподавал в упомянутом Институте, выступая также с публичными лекциями и докладами» [Гессен 1998⁶, 748]. Именно в пражский период Гессен превращается из молодого неокантианца, «перелагателя и сочтателя никому не понятных в России терминов философа Ласка» (Андрей Белый) и начинающего теоретика правового социализма в заметную фигуру философской и педагогической жизни русской эмиграции, редактора ее ведущего педагогического издания, яркого публициста, ученого-гуманитария европейского масштаба, работы которого появляются в чешских, немецких, французских, итальянских, польских, болгарских, югославских и др. изданиях, а лекции собирают заинтересованные аудитории в Праге, Берлине, Вене, Париже, Лондоне, Варшаве.

Уже в середине 1920-х его авторитет в общественно-политической и педагогической среде русской Праги позволяет ему обращаться к благотворителям с просьбами помочь самым разным людям – от вчерашних выпускников до бедствующих ученых. Об этом ярко свидетельствует переписка С.И. Гессена с И.М. Брушвигом, видным деятелем эсеровской партии, одним из организаторов Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (КОМУЧ) и председателем Объединения российских земских и городских деятелей в Чехословацкой республике (именно пражский Земгор нес основное бремя финансовых расходов по обустройству русских эмигрантов в Чехословакии). Так, 6 сентября 1926 г. Гессен пишет Брушвиту:

Дорогой и глубокоуважаемый Иван Михайлович, обращаюсь к Вам с большой просьбой – поддержать ходатайство подателя сего – Сергея Сергеевича Шаховского о стипендии. С.С. Шаховской – единственный абитуриент Пражской гимназии, лишившийся с окончанием ее стипендии. Я знаю, что он не имеет здесь и в России никаких родственников или других лиц, могущих его содержать. Иначе говоря, С.С. лишается всякой возможности продолжать свое образование (он предполагал поступить на лесное отделение Политехникума). Между тем он вполне заслуживает поддержки – как по своим способностям, так и по нравственным своим качествам. Т.к. Вы были на экзамене, то Вам лучше видно, заслуживал ли С.С. не «единогласного» аттестата. У меня впечатление, что здесь – недоразумение и случайность.

Повторяю, все абитуриенты Пражской гимназии, кроме Шаховского, так или иначе устроены. Наша общая обязанность – помочь устроиться и Шаховскому: было бы уж слишком обидно, если бы воспитанник нашей гимназии, ее окончивший, не мог бы окончить курса в высшей школе. К тому же лесное отделение продолжается только 8 семестров, а не 10, как на других отделениях.

Заранее благодарю Вас за содействие и уверен, что при некотором напоре с Вашей стороны Вам удастся добиться просимого.

Искренне преданный Вам и уважающий Вас Гессен (ГАРФ. Ф. Р-5789–1–13. Л. 1–1 об.).

Готовность участвовать в студенческих судьбах сохранится у С.И. Гессена на протяжении всей его преподавательской деятельности, о чем с благодарностью будут вспоминать и его польские ученики. Только переехав в Варшаву, он уже ратует за перспективную студентку из эмигрантской семьи и в письме от 13 января 1936 г. сообщает своему постоянному корреспонденту, соредктору «Современных записок» В.В. Рудневу: «В Варшаве познакомился с очаровательной русской студенткой, 21 года, Татьяной Михайловной Рудневой. Отец ее (покойный) Михаил Осипович Руднев – москвич, мать – Куракина (Тверск<ой> губ<ернии>). Не родственница ли это Ваша? Я хочу о ней хлопотать, хочу устроить ей год занятий в Праге (она – историк древности, намеревается специализироваться по Византии)» [Гессен 2013, 190].

Не менее близко воспринимает Гессен и бедственное положение «коллег по цеху». Показательно его обращение о помощи соредктору «Логоса» Б.В. Яковенко в письме от 10 февраля 1929 г. к Брушвиту:

Глубокоуважаемый Иван Михайлович, обращаюсь к Вам с просьбой, которой исполнению придаю очень большое значение, почему и решаюсь беспокоить Вас. Вы, наверное, слышали, что в Чехословакии (Мариенбаде) живет философ Борис Валентинович Яковенко. Раньше Я<ковенко> жил в Риме и получал по личному распоряжению Президента субсидию (кажется, 2200 кр<он> в месяц). Три года тому назад Мин-во (Завазал¹) поставили Яковенке условием дальнейшего получения им стипендии переезд в Чехию. Он так и сделал и не возражал, когда стипендия ему была уменьшена до 2000 кр<он>. Ничего не возражал он и тогда, когда (2 года тому назад) ее уменьшили вдвое, т.е. до 1000 кр<он>. Но сейчас стипендия снова уменьшена – до 700 кр<он>, и это уже заставляет его протестовать, вернее – искать заступничества.

Действительно, сокращение Я<ковенко> стипендии – дело во всех отношениях неправильное: 1) у него семья из 5 человек (жена и 4 детей); 2) он – известный

русский философ, имеющий очень много заслуг перед русской наукой, не могущих быть умаленными от того, что жизнь его сложилась так, что он не успел получить научной степени и т.обр. автоматически стать членом профессорской коллегии; 3) он имел все основания рассчитывать, что стипендия ему не будет сокращаться, раз его вызывают из Италии, где он имел некоторый заработок, и под условием переезда в Чехию обещают ему стипендию; 4) тем более, что он получил стипендию по личному распоряжению Президента Республики, знавшего его лично и его научные труды; 5) стипендия его равнялась профессорской, между тем сокращение стипендии до 700 кр<он> не стоит ни в каком отношении с сокращением профессорской стипендии; 6) наконец, переехав из Италии, он возобновил свою научную деятельность и теперь снова стоит перед необходимостью ее прервать и даже вообще перед перспективой голода.

Конечно, Я<ковенко> мог бы обратиться к самому Президенту, и тогда дело его было бы решено сразу благоприятно. Но он – человек очень щепетильный. Ему этого очень не хочется делать. Я и сейчас хлопочу о нем по собственной инициативе, зная его невыносимое положение. Я думаю, что если Завазалу все это рассказать, то З<авазал> сам восстановит его стипендию полностью. Я готов все, что здесь написал, Завазалу подтвердить, но думаю, что Ваши слова будет иметь большее значение. Поэтому очень Вас прошу при ближайшем Вашем свидании с Завазалом настоять на благоприятном решении этого вопроса. Вы окажете этим большую услугу и мне, и русской науке и буквально спасете от голода во всех отношениях достойного человека. Я полагаю бы, что стипендия должна быть восстановлена Я<ковенко> в размере профессорской, на что он и был приглашен в Чехословакию.

Я очень прошу Вас не откладывать это дело. Убежден, что Вам без труда удастся Завазала убедить в желательном смысле.

Крепко жму Вашу руку и заранее благодарю за содействие.

Преданный Вам Гессен (ГАРФ. Ф. Р-5789. Оп. 1. Д. 12. Л. 3–3 об.).

Настойчивость в решении чужих проблем сохраняется у Гессена даже в самые тяжелые для него самого годы. Так, 17 мая 1935 г. он пишет В.В. Рудневу о бедственном положении Е.И. Набоковой, вдовы В.Д. Набокова:

Обращаюсь к Вам еще в одном, очень деликатном деле. Дайте ответ, а если сможете, окажите и помощь. Речь идет о Елене Ивановне Набоковой, матери Сирина. Она совсем гибнет здесь. На ее руках (так случилось) – сын, который без места и не учится, внук (сын дочери, муж которой безработный, и упорный безработный). И вот она – больная старуха – героически содержит всех уроками, получая от здешнего Кр<асного> Креста теперь только 500 кš в месяц. Что будет с ней летом, когда уроки прекратятся, – не знаю. Раньше ей помогал «Руль», потом несколько лет А. Каминка, который уже целый год ей не может ничего присылать. Единственный, кто мог бы ей сейчас помочь, – это П.Н. Милюков. Разумеется, М<илюков> не обязан ей помогать. Но некоторое моральное обязательство на нем, я думаю, лежит. Ведь как ни как, Набоков был убит пулей, предназначавшейся для Милюкова. Как бы повлиять на М<илюкова>, чтобы он оказал сейчас Набоковой помощь? Каминка помогал ей (100 марок ежемесячно и больше) в течение 10 лет! Неужели из бывших сотрудников Набокова никто не может ей сейчас помочь! Подумайте об этом и дайте совет, а м<ожет> б<ыть>, и сами поговорите с кем-нибудь в Париже [Гессен 2013, 177].

Среди тех, кому Гессен сумел помочь, был, по свидетельству Б.Н. Лосского, С.Л. Франк: «Это был роковой 1933 год, когда в Германии воцарился Гитлер и начались расистские гонения. Особенно тяжелым для семьи Франков был 1936 год. Чтобы как-то прийти, по крайней мере материально, на помощь Франкам, отцу и пребывавшему в Праге философу Сергею Иосифовичу Гессену удалось испросить у чешского комитета помощи русским ученым 12 000 крон и, не без труда, переправить эту сумму Семену Людвиговичу. В это время душевное состояние доводило его до помыслов о самоубийстве» [Лосский 1994, 128].

Очень широк круг авторов, чьи работы Гессен рекомендует редакторам «Современных записок» – от активных деятелей пражской эмиграции, не всегда близких журналу по политическим взглядам, до собственных «учеников». Так, он пишет М.В. Вишняку 24 декабря 1925 г. о своем идеологическом оппоненте – политическом философе и правоведе Н.Н. Алексееве: «...проф. Н.Н. Алексеев хотел бы... поместить у Вас статью на тему “Государство по учению древнего и нового завета”... Статья безусловно интересна, хотя я лично и не со всем в ней могу согласиться. На Вашем месте я непременно поместил бы ее. Участие Н. Алексеева в “Совр<ременных> зап<исках>” мне представляется политически очень желательным. Н. Алексеев льнет сейчас к демократическому крылу. И отталкивать его в противный лагерь (куда он, впрочем, не хочет идти и не пойдет) было бы неправильно» [Гессен, 2013, 111].

4 апреля 1934 г. он пишет В.В. Рудневу о В.П. Шапиловском, участнике Первой мировой и гражданской войн, награжденном Георгиевским оружием полковнике-артиллеристе, который в Чехословакии служил воспитателем в Русской гимназии в Моравской Тршебове, прошел курс Русского педагогического института имени Я.А. Коменского, публиковался в евразийских и педагогических изданиях эмиграции (см.: [Ермичев 2012, 159, 289]): «Вам на днях Н. Ганц пришлет рукопись В. Шапиловского о новом курсе в советской школьной политике и положении школы в России. В статье только 16 стр. Статья превосходная, написана под моим руководством на основании первоисточников. По выводам своим очень интересна, а материал – под-[строка нрзб] ее поместить!» [Гессен 2013, 164]. Примечательна настойчивость, с которой Гессен интересуется судьбой этой статьи. «Жду рукопись Шапиловского, которой от Вас еще не получил, и с нетерпением жду Вашего ответа», – напоминает он Рудневу 26 августа 1934 г. [Там же, 168]. В «Современных записках» статья опубликована не была, но появилась в этом же году в журнале «Русская школа» [Шапиловский 1934].

Письма С.И. Гессена не только отражают реалии его научной, политической и литературной жизни, но и передают подробности повседневного бытия. На протяжении пражского периода именно по сохранившимся письмам можно проследить, как ухудшается материальное положение ученого с прекращением «Русской акции» чехословацкого правительства, как возрастает долговое бремя и становятся важны даже минимальные поступления от редакций и издательств. При этом Гессена заботит не столько собственное благополучие, сколько обеспечение более или менее сносного существования жены и детей, что составляло предмет его постоянных забот. Так, еще в 1923 г., обговаривая условия своей работы в Русском педагогическом институте в Праге, он пишет директору института С.А. Острогорскому: «Не претендуя на что-нибудь особенное, я все-таки просил бы Вас по возможности добиться для меня такого вознаграждения, которое позволило бы мне не только самому прожить семестр в Праге, но и устроить мою семью в Берлине (7.000–7.500 крон на семестр устраивали бы меня в Праге на два месяца и семью в Берлине на полгода)» (ГАРФ. Ф. Р-5773. Оп. 2. Д. 24. Л. 4). Скучность быта философа, перебравшегося с семьей в Прагу, выразительно передают воспоминания Д.С. Гессена: «...мы появились во Вшенорах с нашим убогим скарбом... какой-то узелок, конечно, примус, потому что без примуса вообще не было ни одной эмигрантской семьи от Харбина до Парижа и обратно... Без примуса нельзя было жить вообще. Так вот, был узелок какой-то, была рукопись, кажется, “Основ педагогики” – и все. Хозяйка во Вшенорах спрашивает: “А где ваши вещи?” – “Это все”. “А перины?” – “А нет у нас перин”. Та схватилась за голову» [Гессен 2011, 427–428]. Беспокойство за жену и младшего сына, отправленных на несколько месяцев для лечения во Францию, звучит в письме М.В. Вишняку от 26 июня 1927 г.: «...обращаюсь к Вам с большой просьбой, а именно выручить меня из очень трудного финансового положения... Я пишу Вам сейчас – до отсылки этой своей статьи, – т.к. не могу ждать, вернее не я, а Нина Лаз<аревна>, сидящая в Juan-les-Pins без денег. Я Вас и прошу выслать ей 750 fr. (если можно даже – телеграфом за мой счет)» [Гессен 2013, 126].

Тема финансовых расчетов, просьбы об авансах и обещания вернуть долги звучит во многих письмах С.И. Гессена, позволяя говорить не только о бедственном матери-

альном положении ученого-эмигранта, но и о крайней скудности самих заработков, требовавших буквально непосильного труда и большого времени, что заметно ограничивало возможность реализации масштабных научных проектов. Неслучайно в «Моем жизнеописании» приведен большой список намеченных, но так и не состоявшихся тем и сюжетов (см.: [Гессен 1998⁶, 748,775–778]). Не приносили особых денег даже самые успешные издания, в частности книга «Образовательная политика в Советской России», написанная в соавторстве с Н.А. Ганцем, учеником Н.Н. Ланге, русским педагогом, эмигрировавшим в Англию и сделавшим там в 1930–1940-е гг. академическую карьеру. Ее английское издание [Hans 1930] получило высокую оценку рецензентов, в числе которых и Д. Дьюи, однако в финансовом отношении оказалось убыточно. Гессен ищет хоть какие-то возможности поправить финансовое положение, в связи с чем в декабре 1932 г. предлагает Ганцу новый научно-финансовый проект издания на английском языке небольшой книги о советской школе начала 1930-х гг. Финансовая сторона замысла, представленная в письме Ганцу, будет не менее четкой, чем сторона научная: «Наконец, еще одна мысль: не следовало ли бы нам издать небольшую книжечку: Education in Soviet Russia under five-year-plan как дополнение к изданной уже нами. В эту книжечку вошли бы главы XV–XVIII нашей немецкой книги. Эта книжечка могла бы потянуть за собой 50–60 экз<емпляров> первой книги. Разумеется, Вы должны были бы переделать начало и переписать предисловие, что книжечка эта есть дополнение к вышедшей ранее. Я не ожидаю от этой книги дохода, но думаю, что, издав ее в количестве 500 экз<емпляров>, можно было бы избежать и убытков. А по существу – очень важно было бы дать англ<ийскому> читателю сейчас картину реставрации старой школы в Сов<етской> России. Даже политически это было бы важно» (NH/4/10. 24.12.1932)². Проект этот (как, к сожалению, и многие другие) не осуществился. В 1933–1934 гг. «Образовательная политика в Советской России» была переведена на немецкий и польский языки, но и здесь финансовый результат оказался более чем скромным. «Немецкая книга наша, несмотря на прекрасную “прессу”, расходуется плохо. Издатель мне пишет, что продано пока только 160 экз<емпляров>! И это несмотря на то, что книга официально рекомендована высшими инстанциями нового правительства, – сообщает Гессен своему соавтору 4 февраля 1934 г. – ...От Beltz’a за книгу я получил 750 марок, из которых Вам причитается 250 марок. Эти деньги (плюс еще 5 фунтов = 100 марок) – мой долг Вам. Я Вам верну эти деньги при первой возможности. Сейчас – увы! – никак не могу.

Польское издание книги еще не вышло. За него мы должны будем получить 500 зл<отых> (часть я получил), т.е. 250 марок. На Вашу долю – 125 марок. Значит, весь мой долг Вам составит 250 + 100 + 125 марок, т.е. 475 марок. Вычисляю Вам в твердой валюте – немецкая валюта сейчас самая твердая» (NH/4/10. 4.04.1934).

В этих обстоятельствах особое значение приобретают возможности педагогической работы. Хотя в Праге для русских эмигрантов они все более сужаются (и русская школа, и учебные заведения другого уровня впадают в жалкое существование), европейская известность и научный авторитет С.И. Гессена, его контакты с немецкими славистами, а также филологические занятия (публикации о Льве Толстом и Достоевском, участие в работе семинария А.Л. Бема и выступления на заседаниях Пражского лингвистического кружка) делают возможным получение места в Карловом университете. «В 1931 г. Славистское общество, образовавшееся при Немецком университете в Праге и начавшее издавать ежесемесичник “Slavische Rundschau”, пригласило меня в качестве сотрудника, предлагая мне одновременно лекторат русского языка при Немецком университете. Среди главных сотрудников общества и редакторов “Slavische Rundschau” наиболее деятельным был русский лингвист Р.О. Якобсон... бывший инициатором моего приглашения» [Гессен 1998⁶, 752–753]. Преподавание русского языка и литературы для начинающих студентов не слишком устраивало С.И. Гессена и, как оказалось, не смогло улучшить его материального положения, на что он сетует в письме Н.А. Ганцу от 24 апреля 1931 г.: «Как Вы знаете, еще в ноябре прошлого года я был избран профессором Deutscher Institut für Slavische Forschung, и мне было обещано,

что с января я уже буду получать полное жалование. В соответствии с этим я и составил свой бюджет. Наконец, в апреле выяснилось, что Институт в этом году не получил денег из М<инистерст>ва в сумме, им запрашивавшейся (по формальным причинам), так что полное жалование мне будет течь только с янв<аря> 1932 г. В этом же году я получу только около половины жалования, но и то только в июле или даже августе (правда, за срок, начиная с января)» (NH/4/10. 24.04.1931).

Только огромная работоспособность, самодисциплина и ответственность за семью спасают Гессена от психологического кризиса. Он справляется с накатывающими волнами депрессии, объясняющими периоды многомесячного молчания в переписке с друзьями и редакторами. «Я бесконечно виноват перед Вами, что так долго и упорно ничего Вам не писал, – объясняет он Ганцу в письме от 4 февраля 1934 г. – Единственно надеюсь на Ваше доброе ко мне расположение, на Вашу дружбу, так трогательно проявляющуюся в Ваших последних письмах – несмотря на мое беспардонное молчание. Но Вы знаете мой нрав: когда мне плохо, я не могу преодолеть своего отвращения к писанию писем» (NH/4/10. 4.02.1934). Это же настроение передают строки из письма В.В. Рудневу от 4 апреля: «Такого пароксизма самой крайней нищеты я еще никогда не испытывал, а я в этом отношении человек опытный. Не только не было денег на оплату срочных платежей, но часто даже на трамвай и почтовую марку. Ведь Вы меня знаете: я не паникер и привык к довольно-таки аскетическому образу жизни. Поэтому верьте, я не преувеличиваю. Грустно было и то, что друзья мои, из которых некоторые мне многим обязаны, нередко отказывались мне помочь даже только подписью на векселе. Все это загоняло меня в мою “скорлупу” и делало писание писем психологически невозможным» [Гессен 2013, 163].

Тональность писем Гессена несколько меняется с февраля 1934 г. – в них появляются оптимистические нотки. Это объясняется и готовностью Министерства народного просвещения выплатить долг по зарплате, и неожиданным издательским заказом. Теперь Гессен с присущей ему самоиронией может дать оценку и своей карьере преподавателя русского языка, и этому проекту в целом: «...я получил выгодную очень работу – написать для курсов заочного обучения книгу “Русский язык для каждого”, которая теперь и отнимает у меня все время. Ведь я ни русского языка не знаю, ни чешского, на котором мне книжку надо писать. Приходится самому учиться. Теперь я вошел в работу, она “пошла вперед”» [Там же]. К июню дело продвинулось настолько, что в письме Рудневу от 10 июня Гессен уже способен шутить: «...я Вам, кажется, писал, что взялся за составление учебника русск<ого> языка для курсов заочного обучения. Пришлось писать на языке, которым я не владею, о предмете, которого не знаю, для публики, которой себе не представляю. И вот два полтора месяца тому назад я сдал первые три листа редактору. Редактор их забраковал: превосходно, мол, с научной точки зрения, но для студентов, а не для нашей публики. Пришлось все переделывать с самого начала. Я впал в полное отчаяние. Где уж мне тут было думать о статьях! Ну, переделал, снова сдал редактору три листа, – и на этот раз он пришел от них в восторг! Дал мне “грамоту благодарности”, копию ее послал издательству и уехал в отпуск. Теперь я могу писать, что хочу, издательство, где мой престиж очень поднялся, все от меня возьмет. Я уже совсем написал 2/3 курса, из 30 “уроков” мне осталось еще 10, да и из них 5 вчерне готовы. Через 2 недели надеюсь со всей этой работой (отвратительной и меня вконец измучившей) окончательно развязаться» [Там же, 165]. Добавим, что книга выйдет в 1935 г., под псевдонимом С. Макаров (Гессен использовал для него фамилию матери) [Макаров, 1935].

Но главное к этому времени заключалось в другом – реальностью становился переезд С.И. Гессена в Польшу. 10 февраля 1934 г. он пишет С.Л. Франку: «Впрочем у меня лично открылись новые перспективы. Я получил приглашение в Варшаву, правда, не в университет, а в так называемую> Wolna Wszechnica Polska. Жалование небольшое – 350 зл<отых> (= 175 марок), но это столько же, сколько я буду иметь здесь в случае благополучного разрешения нашего дела. Зато побочных доходов предвидится в Варшаве вдвое больше, чем здесь (еще столько же: 350–400 зл<отых>). Кроме

того, там жить дешевле. Наконец, туда меня зовут и убеждают приехать. А здесь я все же только “бедный родственник”. Здесь никаких дальнейших перспектив, в Варшаве – перспективы широкой деятельности и получения в будущем профессуры и в госуд<арственном> университете» [Гессен 2013, 164].

Неделей раньше в письме Н.А. Ганцу он подробнее рассказывает о сделанных ему предложениях и намечающихся перспективах:

Только совсем недавно перспективы объявились. Я получил приглашение на кафедру систем<атической> педагогики в Варшаве. Правда, не в госуд<арственном> университете, а в так называемой> Wolna Wszechnica Polska. Это свободный университет, содержимый городами Варшавой и Лодзью и имеющий права «академических школ». Но платит он вдвое меньше, чем университеты государственные. И все же я решил приглашение принять. Мне гарантируется постоянное жалование в 350 зл<отых> в месяц. Это столько же, сколько я должен получать здесь, если назначение мое здесь, наконец, состоится (1400 кĚ). Но зато в Варшаве предвидятся побочные доходы минимум на ту же сумму, тогда как здесь я не зарабатывал и половины этого: доходы с экзаменов, публ<ичные> лекции, университетские курсы, организуемые самой Wszechnicej, доходы с журн<альных> статей и с книг. Наконец, друзья мои в Варшаве уверяют меня, что если я окажусь столь же хорошим лектором польским, как и русским, то я скоро получу кафедру в госуд<арственном> университете (в Польше ведь 5 госуд<арственных> университетов). В Польше я, оказывается, очень популярен. Мои «Основы педаго<гии>», вышедшие два года назад по-польски, сейчас уже распроданы, и издатель готовит новое их издание. А главное: в Варшаву меня зовут, убеждают туда приехать, обещают позаботиться о побочных доходах, просят о моем сотрудничестве в журналах. Здесь же я на положении бедного родственника: в немецком университете дальше лектора русск<ого> языка я не пойду, в чешский университет также меня не пустят, – и 1400 кĚ в месяц – это максимум, на что я могу рассчитывать. Вот я и решил на 47м году жизни «начать новую жизнь» (NH/4/10. 4.2.1934).

Постепенно оформляются и новые планы научной деятельности: «...я собираюсь начать и новый период своего философствования: период философии и “педагогики воскресной”, как я называю. Программа работы на несколько лет!» [Там же, 163].

Переезд затянулся, и Гессену еще долго придется жить на два дома: в Варшаве и в Праге. Постепенно обживаясь в польской столице, он не забывает пражских коллег и по-прежнему легко отзывается на просьбы, о чем свидетельствует сюжет с поиском статьи Левицкого для историка А.В. Флоровского. Мы уже публиковали первую (от 27 марта 1936 г.) из двух открыток [Осовский, Киржаева 2017^а], связанных с этой просьбой Флоровского, а в недавно обнаруженной и атрибутированной нами второй (от 9 апреля 1936 г.) Гессен сообщает о результатах поиска:

Глубокоуважаемый Антоний Васильевич, Gebethner i Wolf, к которому я обратился, так и не раздобыл оттиска Левицкого. Но Вы, вероятно, легко найдете статью Левицкого в библиотеке в Праге. Она вышла в издании: Sprawozdania Akademii Umiejętności w Krakowie, Tom XI, <нрзб> 1908 (или 1906 г.). Отчеты Краковской Академии, наверное, имеются в библиотеке.

Желаю Вам добрых праздников. Привет супруге и Вам. Ваш Гессен.

Передали ли Вы Grübe мой запрос – я от него до сих пор не имею письма» (Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 504. Л. 1).

Упомянутый в открытке доктор Грюбе представлял издательство в Галле, с которым шли длительные переговоры С.И. Гессена об издании его 57-страничной «книжечки» о методе М. Монтессори [Hessen 1936].

Гессену удалось оставить за собой должность преподавателя русского языка в Карловом университете, получив отпуск с сохранением жалования: его преподавательскую нагрузку взял П.Н. Савицкий, впоследствии окончательно заменивший Гессена на этой должности и проработавший в Славянском институте до 1941 г., когда его резкие антигитлеровские высказывания привели к увольнению из университета. Отметим,

что П.Н. Савицкий – не случайная фигура в этом эпизоде. Дело не только в давнем знакомстве с Гессеном: по свидетельству Д.С. Гессена, они были соседями еще в «Братской могиле» на Бубенчи» [Гессен 2011, 433], русском профессорском доме в Праге. П.Н. Савицкий – заметный персонаж эмиграции, один из лидеров евразийского движения, ученик П.Б. Струве, близкий друг Р.О. Якобсона, автор многочисленных книг и статей по геополитике, географии, истории, экономике. Широта научных интересов позволяла ему принимать участие и в работе Пражского лингвистического кружка, где он не раз выступал с докладами и сообщениями. С.И. Гессен очень высоко ценил таланты П.Н. Савицкого, хотя не разделял его евразийских убеждений, о чем говорят строки из письма В.В. Рудневу от 4 апреля 1934 г. в связи с планами подготовки учебной книги о России для эмигрантской школы: «Ваш замысел “Хрестоматии” – прекрасная мысль. Очень нужная книжка для Зарубежья. Но необходимо очень и очень использовать нынешний советский материал. Ведь если мы забываем Россию и часто не чувствуем современной России, то что же молодежь! Думаю, что Вам необходимо пригласить Савицкого: он и географ учнейший, и современную Россию знает лучше других. А обезвредить его евразийство – дело редактора» [Гессен 2013, 164].

С переездом в Варшаву, по собственному признанию С.И. Гессена, его жизнь серьезно изменилась:

Уже первый год моей профессуры в Варшаве показал, что я не ошибся в своем решении. Я очень быстро изучил польский язык так, что мог уже не читать лекций с предварительно написанной и поправленной рукописи, а говорить свободно. Писал свои лекции я только в течение первого семестра. Помогала мне в писании и стилистически выправляла мои лекции, а потом мои статьи ученица проф<ессора> Радлинской М.К. Немыская, которая умело руководила моими полонистическими студиями. Благодаря ей я быстро познакомился с классической и современной польской литературой, так же как и с научной литературой в области философии, социологии, педагогики. Совместная работа (я, со своей стороны, помогал ей в обработке ее социологических работ, впоследствии опубликованных Институтом общественного хозяйства) так нас сблизила, что через полтора года мы сочтались браком. Так как, уезжая в Варшаву, я фактически разошелся с первой своею женою, правовое оформление нашего развода не представляло трудностей. Разойдясь, мы остались в дружественных отношениях и продолжали регулярно переписываться [Гессен 1998⁶, 757].

4 ноября 1936 г. Гессен пишет Рудневу: «На Рождество я с женою (Марию Карловною) выезжаю на 2 недели в деревню» [Гессен 2013, 201]. Там, в Курницком замке, он напишет П.Н. Савицкому первое из трех публикуемых ниже писем, каждое из которых добавляет новые подробности повседневной жизни философа в январе – начале апреля 1937 г. Несмотря на, казалось бы, сугубо бытовой характер, именно в этой переписке Гессен сообщает об окончательном решении остаться в Варшаве, завершив пражский период своей биографии.

Публикуемые ниже письма С.И. Гессена хранятся в фонде П.Н. Савицкого Государственного архива РФ (ГАРФ. Ф. Р-5783. Оп. 1. Д. 436. Л. 114–114 об., 113–113 об., 112). Тексты писем публикуются по автографам с сохранением авторской орфографии и пунктуации. Сделанные автором подчеркивания выделены курсивом, сокращения раскрыты в угловых скобках.

Примечания

¹ Завазал З.И. (Zavázal Zeno I.) – ответственный сотрудник Министерства иностранных дел Чехословацкой республики, занимавшийся делами русской научной, педагогической и культурной эмиграции. Он неоднократно присутствовал в качестве официального представителя МИДа на различных эмигрантских мероприятиях, входил в состав попечительских советов Русского народного университета в Праге и Русской гимназии в Моравской Тршебове.

² NH/4/10 – Nicholas Hans Archive. Institute of Education. London University Library.

Источники – Primary Sources

- Бахтин 1996 – *Бахтин М.М.* Собр. соч. В 7 т. М.: Русские словари, 1996. Т. 5 (Bakhtin, Mikhail M., *Collected Works*, in Russian).
- Гессен 2011 – *Гессен Д.С.* [Беседы] // Воспоминания. Дневники. Беседы (Русская эмиграция в Чехословакии). Кн. 1 / Под ред. Л.Н. Белошевой. Прага: Славянский ин-т АН ЧР, 2011. С. 425–446 (Hessen, Dmitrii S., [*Conversations*], in Russian).
- Гессен, 1937 – *Гессен И.В.* В двух веках: Жизненный отчет. Берлин, 1937 (Hessen, Iosif V., *In Two Centuries: A Life Report*, in Russian).
- Гессен 1931 – *Гессен С.И.* Пятилетка и школьная политика советской власти // Новый Град. 1931. № 1. С. 67–77 (Hessen, Sergei I., *Five-year plan and school policy of the Soviet government*, in Russian).
- Гессен 1995 – *Гессен С.И.* Основы педагогики. Введение в прикладную философию. М.: Школа-Пресс, 1995 (Hessen, Sergei I., *Foundations of Pedagogy*, in Russian).
- Гессен 1998^a – *Гессен С.И.* Избранные сочинения. М.: РОССПЭН, 1998 (Hessen, Sergei I., *Selected Works*, in Russian).
- Гессен 1998^b – *Гессен С.И.* Мое жизнеописание // *Гессен С.И.* Избр. соч. М.: РОССПЭН, 1998. С. 723–782 (Hessen, Sergei I., *My Life Story*, in Russian).
- Гессен 2001 – *Гессен С.И.* Педагогические сочинения. Саранск, 2001 (Hessen, Sergei I., *Pedagogical Works*, in Russian).
- Гессен 2010 – *Гессен С.И.* Избр. М.: РОССПЭН, 2010 (Hessen, Sergei I., *Selected Works*, in Russian).
- Гессен 2013 – *Гессен С.И.* «Можете рассчитывать на мое сотрудничество» // «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции Т. 3. / Под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 95–206 (Hessen, Sergei I., “*You can rely on my cooperation*”, in Russian).
- Зеньковский 1991 – *Зеньковский В.В.* История русской философии. В 2 т. Т. 2 (1). Л.: Эго, 1991 (Zenkovsky, Vasilii V., *History of Russian Philosophy*, in Russian).
- Из переписки 2014 – Из переписки С.Л. Франка и Н.А. Бердяева (1923–1926) // Вопросы философии. 2014. № 2. С. 131–154 (*From the correspondence of S.L. Frank and N.A. Berdyayev (1923–1926)*, in Russian).
- Лосский 1994 – *Лосский Б.* Еще о С.Л. Франке (Что вспоминается младшему современнику о нем и его семье) // Евреи в культуре русского зарубежья. Статьи, публикации, мемуары и эссе: 1939–1960. Т. 3. Иерусалим, 1994. С. 120–131 (Lossky, Nikolay O., *More about S.L. Frank (What does a younger contemporary remember about him and his family)*, in Russian).
- Лосский 1991 – *Лосский Н.О.* История русской философии / Пер. с англ. М.: Советский писатель, 1991 (Lossky, Nikolay O., *History of Russian Philosophy*, in Russian).
- Письма 2011 – Письма Марии и Густаву Кульман / Публикация и комментарии В.К. Кантора // Вопросы философии. 2011. № 8. С. 116–143 ([Stepun, Fyodor A.], *Letters to Maria and Gustav Kuhlman*, in Russian).
- Письма 2012 – Письма прот. В.В. Зеньковского к Д.И. Чижевскому (1948–1962) // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2012. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2012. С. 335–424 (*Letters from Archpriest V.V. Zenkovsky to D.I. Chizhevsky (1948–1962)*, in Russian).
- Письма 2010 – Письма Ф.А. Степуна к Д.И. Чижевскому (публикация и примечания В.К. Кантора) // Вопросы философии. 2010. № 1. С. 92–117 (*Letters from F.A. Stepun to D.I. Chizhevsky (publication and notes by V.K. Kantor)*, in Russian).
- Савицкий 2010 – *Савицкий П.Н.* Географический обзор России-Евразии // *Савицкий П.Н.* Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. С. 279–294 (Savitskiy, Piotr N., *Geographical overview of Russia-Eurasia*, in Russian).
- Современные записки 2011–2014 – Современные записки (Париж, 1920–1940). Из архива редакции. В 4 т. / Под ред. О. Коростелева, М. Шрубы. М.: Новое литературное обозрение, 2011–2014 (*Sovremennyye zapiski (Paris, 1920–1940). From the editorial archive*, in Russian).
- Федор Степун 2013 – Федор Степун – Ольга Шор: из переписки 1920-х годов / Подгот. текста, примеч. А. Волкова, с предисл. А. Шишкина // Wiener Slavistisches Jahrbuch. 2013. N.F. 1. S. 244–275 (*Fedor Stepun – Olga Shor: from the correspondence of*, in Russian).
- Шапиловский 1934 – *Шапиловский В.П.* Новый курс советской школьной политики (1931–1934) // Русская школа. 1934. № 1. С. 38–47 (Shapilovskiy, Vladimir P., *New course of Soviet school policy (1931–1934)*, in Russian).
- Яковенко 2003 – *Яковенко Б.В.* История русской философии / Пер. с чеш. Ю.Н. Солодухина. М.: Республика, 2003 (Jakovenko, Boris V., *History of Russian Philosophy*, in Russian).

- Hans, Nicholas, Hessen, Sergius (1930) *Educational Policy in Soviet Russia*, P.S. King & Son, London.
- Hessen, Sergius (1909) *Individuelle Kausalität: Studien zum transzendentalen Empirismus*. Albert-Ludwigs-Universität in Freiburg i. B.
- Hessen, Sergius (1936) *Die Methode der Maria Montessori und ihr Schicksal: ein Beitrag zur Pädagogik des Vorschulalters*. Akademischer Verlag, Halle.
- Hessen, Sergěj (1937) *Světový názor a pedagogika. Studie k problému autonomie*, Praha.
- Makarov, Sergěj (1935) *Ruština pro každého, Administrace Domácího učení*, Praha [1935].

Ссылки – References in Russian

- Абрамова 2003 – *Абрамова Л.Г.* Философско-образовательная концепция педагогики С.И. Гессена. Калининград, 2003.
- Валицкий 1998 – *Валицкий А.* Сергей Гессен: философ в изгнании // *Гессен С.И.* Избр. соч. М.: РОССПЭН, 1998. С. 3–28.
- Ермичев 2012 – *Ермичев А.А.* Философское содержание журналов русского зарубежья (1918–1939 гг.). СПб.: Вестник, 2012.
- Киржаева, Осовский 2019 – *Киржаева В.П., Осовский О.Е.* С.И. Гессен в научно-педагогической жизни русской эмиграции в Германии 1920-х годов // *Педагогика. Вопросы теории и практики*. 2019. Т. 4. Вып. 4. С. 62–67.
- «Логос» 2005 – «Логос» в истории европейской философии: Проект и памятник / Под ред. Н.С. Плотникова. М.: Территория будущего, 2005.
- Михальченко, Ткаченко 2017 – *Михальченко С.И., Ткаченко Е.В.* Русский научный институт в Берлине в мемуарах и переписке русской эмиграции // *Вестник Брянского государственного университета*. 2017. № 4 (34). С. 94–105.
- Найбороденко 2013 – *Найбороденко Л.М., Фоминых С.Ф.* Сергей Иосифович Гессен в Томске (1917–1921 гг.). Томск: Томский областной институт повышения квалификации и переподготовки работников образования, 2013.
- Оболевич, Цыганков 2018 – *Оболевич Т., Цыганков А.С.* Свидетели «великого перелома»: переписка С.Л. Франка и А. Эйнштейна // *Вопросы философии*. 2018. № 11. С. 111–141.
- Осовский 1993 – *Осовский Е.Г.* С.И. Гессен: странности судьбы // *Педагогика*. 1993. № 6. С. 57–59.
- Осовский, Киржаева 2017^a – *Осовский О.Е., Киржаева В.П.* «Вот и хочется найти способ подняться над каждодневной суетой»: А.В. Флоровский и филологическая жизнь эмиграции «первой волны» (по материалам архива ученого) // *Вопросы литературы*. 2017. № 6. С. 313–341.
- Осовский, Киржаева 2017^b – *Осовский О.Е., Киржаева В.П.* С.И. Гессен и «Русская школа за рубежом»: из истории педагогической журналистики российского зарубежья 1920-х – начала 1930-х гг. // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2017. № 8. С. 202–217.
- Седова 2006 – *Седова Е.Е.* Философия образования С.И. Гессена в социокультурном контексте общественно-педагогического движения России и русского зарубежья первой половины XX века. Воронеж: ВГПУ, 2006.
- Шитов 2010 – *Шитов А.М.* Почему не появился второй номер пражского «Логоса»? (По материалам архива Б.В. Яковенко) // *Вестник Российской гуманитарной христианской академии*. 2010. Т. 11. Вып. 2. С. 152–156.
- Шитов 2012 – *Шитов А.М.* С.И. Гессен и история пражского журнала «Логос» (по неопубликованным архивным материалам) // *Философские науки*. 2012. № 8. С. 110–119.

References

- Abramova, Lidia, G. (2003) *Philosophical and educational concept of S.I. Hessen's pedagogy*, Kaliningrad (in Russian).
- Walicki, Andrzej (1998) “Sergei Hessen: a philosopher in exile”, *Hessen, Sergei I., Selected works*, ROSSPEN, Moscow, pp. 3–28 (in Russian).
- Ermichev, Aleksandr A. (2012) *The philosophical content of the Russian émigré journals (1918–1939)*, Vestnik, St. Petersburg (in Russian).
- Kirzhaeva, Vera P., Osovsky, Oleg E. (2019) “S.I. Hessen in the scientific and pedagogical life of the Russian emigration in 1920s Germany”, *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki*, Vol. 4, No. 4, pp. 62–67 (in Russian).
- Mikhailchenko, Sergey I., Tkachenko, Elena V. (2017) “Russian Scientific Institute in Berlin in memoirs and correspondence of the Russian emigration”, *Vestnik Brianskogo gosudarstvennogo universiteta*, Vol. 4 (34), pp. 94–103 (in Russian).

Nayborodenko, Lubov M., Fominykh, Sergei F. (2013) *Sergei Iosifovich Hessen in Tomsk (1917–1921)*, Tomskiy oblastnoi institut povysheniia kvalifikatsii i perepodgotovki rabotnikov obrazovaniia, Tomsk (in Russian).

Obolevich, Tereza, Tsygankov, Aleksandr S. (2018) ‘Witnesses of the “great turning point”: correspondence between S.L. Frank and A. Einstein’, *Voprosy filosofii*, Vol. 11, pp. 111–141 (in Russian).

Osovskiy, Efim G. (1993) “S.I. Hessen: strangeness of fate”, *Pedagogika*, Vol. 6 (1993), pp. 57–59 (in Russian).

Osovskiy, Oleg E. Kirzhaeva, Vera P. (2017) “‘So I want to find a way to rise above the everyday fuss’: A.V. Florovsky and the philological life of the ‘first wave’ emigration (based on materials from the scholar’s archive)”, *Voprosy literatury*, Vol. 6 (2017), pp. 313–341 (in Russian).

Osovskiy, Oleg E. Kirzhaeva, Vera P. (2017) “S.I. Hessen and the Russkaya shkola za rubezhom journal: From the history of the Russian émigré pedagogical journalism of the 1920s – the beginning of the 1930s”, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, Vol. 8, pp. 202–217 (in Russian).

Plotnikov, Nikolai S., ed. (2005) “Logos” in the History of European Philosophy: Project and Monument, Territoriiia budushchego, Moscow (in Russian).

Sedova, Evgenia E. (2006) *S.I. Hessen’s Philosophy of education in the socio-cultural context of the socio-pedagogical movement in Russia and Russia abroad in the first half of the 20th century*, VGPU, Voronezh (in Russian).

Shitov, Anatolii M. (2010) ‘Why the second issue of the Prague “Logos” didn’t appear? (Based on materials from the archive of B.V. Yakovenko)’, *Vestnik Rossiyskoi gumanitarnoi khristianskoi akademii*, Vol. 11 (2), pp. 152–156 (in Russian).

Shitov, Anatolij M. (2012) ‘S.I. Hessen and the history of the Prague journal “Logos” (based on unpublished archival materials)’, *Filosofskie nauki*, Vol. 8, pp. 110–119 (in Russian).

Сведения об авторах

ОСОВСКИЙ Олег Ефимович –

доктор филологических наук, профессор,
главный научный сотрудник Мордовского
государственного педагогического университета
им. М.Е. Евсевьева, Саранск.

КИРЖАЕВА Вера Петровна –

доктор педагогических наук, доцент,
профессор кафедры русского языка
Национального исследовательского
Мордовского государственного университета
им. Н.П. Огарева, Саранск.

Author’s Information

OSOFSKIY Oleg E. –

DSc in Philology, Professor,
Principal Researcher of Mordovia State
Pedagogical University, Saransk.

KIRZHAEVA Vera P. –

DSc in Pedagogy, Professor
of the Russian language department
of National Research Mordovia State
University, Saransk.

Три письма С.И. Гессена П.Н. Савицкому*

1. С.И. Гессен – П.Н. Савицкому¹
4 января 1937 г. Курник

Kórnik², 4.1.37

Дорогой Петр Николаевич, поздравляю Вас и Ваших с Новым Годом и от души желаю всем Вам здоровья, благополучия, веселья духа. Я на несколько дней выехал из Варшавы. Живу в одном замке³ недалеко от Познани. Жена⁴ все время разъезжает, обслеждая эмигрантов, собирая материал для новой своей работы, а я отдыхаю, читаю и все собираюсь приступить к написанию очередной статьи⁵. Останемся здесь до 8-го, отсюда выезжаю прямо в Лодзь (в пятницу мой лекционный день там⁶), а затем в Варшаву.

Что у Вас нового? Как здоровье Н<иколая> Петр<овича> и всех Ваших? Что нового в нем<еэком> Унив<ерситет>е⁷? Жду от Вас непременно письма, пишете уже в Варшаву.

Кстати, сообщите, пожалуйста, как Вы переводите на чешский яз<ык> «месторазвитие»⁸. Мне это нужно для проверки чешского текста новой моей книги⁹, где у меня встречается этот термин.

S. Hessen
Kórnik, wojew. Poznańskie, Zamek
от 8-го янв.

Warszawa, Słupska, 9, n. 14.

Сердечный привет всем Вашим и Вам С. Гессен

2. С.И. Гессен – П.Н. Савицкому
8 марта 1937 г., Варшава
Warszawa, Słupska, 9, n. 14

8.3.1937.

Дорогой Петр Николаевич, время течет, и уже пора, кажется, подумать о выяснении моего и частично Вашего (в отношении лектората русск<ого> яз<ыка>) modus vivendi на будущий год¹⁰. Что касается меня, то я еще больше укрепился в моем решении остаться в Варшаве. И в университете¹¹, и на Wszecnicy мое положение за это время очень укрепилось, кроме того, начиная с Нов<ого> Года, я утвердился еще в одном учебном заведении (Институте специальной педагогики¹²). При этих условиях мне как-то неловко просить снова о продолжении отпуска. Разумеется, я не отказываюсь от отпуска – если это не вызовет в факультете неприятных разговоров и если будут шансы, что М<инистерст>во его продолжит. Разумеется также, я готов удовлетвориться половиной или даже четвертью жалованья – с тем, чтобы остальная часть пошла официально в пользу Вас, как моего заместителя. Отказываться совсем от жалованья – не будет ли означать это затруднений в передаче Вам вознаграждения?

Итак, очень прошу Вас обдумать этот вопрос, м<ожет> б<ыть>, обсудить его с Геземанном¹³ и с деканом (кто сейчас декан?) и сообщить мне Ваше решение. В соответствии с Вашим решением я и поступлю: т.е. пошлю в факультет (т.е. в М<инистерст>во через факультет) просьбу о продолжении отпуска или об увольнении меня от должности лектора. Ваши интересы я ставлю во всем этом деле на первый план и прошу со мной не считаться, ибо, повторяю, мое решение остаться здесь окончательно, а в деньгах я заинтересован только постольку, поскольку всякие лишние деньги позволят мне скорее

---

* Публикация писем подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-013-00413-А («The publication of the letters was funded by RFBR according to the project No. 19-013-00413-A»).

расплатиться с долгами и улучшить положение Нины Лазаревны¹⁴ – сверх установленной суммы, обеспеченной, однако, уже и сейчас моими заработками в Варшаве.

Как Вы и все Ваши поживаете? *Что нового на факультете, в лингв< истическом> кружке, у евразийцев, вообще в русской Праге?* Над чем Вы сейчас работаете? *Что делает, между прочим, Богатырев*¹⁵?

Я очень много времени посвящаю своим курсам. Понемногу работаю над новой книгой «Основы школьной политики»¹⁶. Как всегда, много текущих статей, докладов (должен был прочитать здесь в Союзе Русск< ой> Молодежи даже доклад о Пушкине, очень много времени это у меня отняло), корректур. Недавно отослал в Прагу рукопись новой чешской книги¹⁷: перевод Погорецкой пришлось основательно переделать – в этой работе помогал мне здешний лектор чешск< ого> яз< ыка> Dr. O. Ritz, ассистент славистика (Вейнгарта¹⁸) в Карловом университете, кстати, удивительно похожий внешне на Романа Осиповича¹⁹. А сейчас идут итальянские корректуры двух моих книг, из которых одна (Fondamenti della pedagogia) выходит в издании «R. Università di Roma»²⁰.

Шлю сердечный привет всем Вашим. Марья Карловна unbekannterweise²¹ Вам кланяется.

Душевно преданный Вам С. Гессен

З. С.И. Гессен – П.Н. Савицкому
1 апреля 1937 г., Варшава

Warszawa, Słupska, 9, n. 14
1.4.1937.

Дорогой Петр Николаевич,

Спасибо Вам за Ваши хлопоты с моими книгами. В моих ящиках много такого, что мне не нужно, но много и книг, которые мне пригодятся и которые я хотел бы взять в Варшаву. В них также находится и часть моего рукописного архива. Так что Ваше сообщение, что Вам удалось пока на время – вопрос уладить, меня очень обрадовало. Надеюсь, что и мой стол пока, до моего приезда и ликвидации мною моих пражских дел, не будет тронут.

Прилагаю при сем проект своего прошения об увольнении. Пожалуйста, покажите его Геземанну или декану и – с поправками, если таковые понадобятся, – пришлите мне его назад. Я тогда его перепишу на подходящем листе бумаги и pošлю декану. Как Вы думаете: следует ли мне декану написать еще особое письмо (*кто сейчас декан?*). Геземанну я напишу благодарственное письмо одновременно с посылкой прошения декану. Впрочем, если прошение составлено удовлетворительно, то, во избежание потери времени, можно будет уже его вручить декану, а я напишу еще потом и Геземанну письмо.

Итак – кончается уже окончательно мой пражский период. Много было в нем трудного, но и хорошего, и в общем я должен быть ему благодарен.

В Прагу я непременно приеду. Хочу повидать сыновей²² и Нину Лаз< аревну>, много надо еще выяснить (в особенности о занятиях Мити²³), а также ликвидировать целый ряд дел. Приеду, вероятно, тотчас же по окончании семестра, т.е. в конце июня.

Вы ничего не пишете о своих. Как здоровье всех? Как поживает Ник< олай> Петрович и старший и junior²⁴?

Шлю сердечный привет, крепко жму руку. Жена шлет Вам unbekannterweise свой привет.

Ваш С. Гессен

Примечания публикаторов

¹ Текст письма написан на почтовой открытке.

² Курник – город в Познаньском воеводстве, одно из популярных мест отдыха. Полный адрес указан С.И. Гессеном на обороте открытки: Курник, воеводство Познаньское, Замок. Здесь же автор приводит адрес в Варшаве.

³ Курницкий замок – памятник архитектуры XIX в., выстроенный в неоготическом стиле. В 1924 г. был передан последним владельцем государству вместе с находившейся в нем библиотекой, одной из лучших в Польше.

⁴ Вторая жена С.И. Гессена (с 1936) – Мария Немыска (1904–1985), социолог, составитель посмертных сборников трудов мужа. Далее в письмах – Марья Карловна.

⁵ Речь идет о статье для журнала «Современные записки», обещанной В.В. Рудневу еще летом 1936 г. Несмотря на обещания, которые он дает практически в каждом письме, С.И. Гессен затянул работу вплоть до января 1937 г. Хотя в письме В.В. Рудневу от 26 января 1937 г. он сообщает: «Статью я сейчас пишу, и она через несколько дней будет готова. Тема ее: Гуманизм и эсхатологизм в марксизме. Статья Вам понравится, думаю. Но пока что она еще без заглавия. Что делать? я очень бездарен на заглавия, и попрошу уже Вас самого озаглавить статью надлежащим образом» [Современные записки 2011–2014 III, 201–202], – в журнале эта публикация так и не появилась.

⁶ Нагрузка С.И. Гессена в Wolna Wszechnica Polska (Свободный польский университет) предполагала ведение занятий не только в Варшаве, но и в отделении университета в Лодзи, на базе которого после войны был создан государственный университет, где С.И. Гессен преподавал до конца жизни.

⁷ Немецкий университет – разговорное название Карлова университета в Праге.

⁸ Ключевой термин политэкономической теории П.Н. Савицкого. В работе «Географический обзор России-Евразии» (1926), он пишет: «Россия-Евразия есть “месторазвитие”, “единое целое”, “географический индивидуум” — одновременно географический, этнический, хозяйственный, исторический и т.д. и т.п. “ландшафт”» [Савицкий 2010, 267].

⁹ Речь идет о сборнике статей С.И. Гессена на чешском языке: *Hessen S. Světový názor a pedagogika. Studie k problému autonomie* [Hessen, 1937].

¹⁰ С.И. Гессен продолжает числиться лектором по русскому языку Карлова университета, находясь в отпуске, в течение которого его замещает П.Н. Савицкий.

¹¹ В 1936/37 учебном году С.И. Гессен преподавал на педагогическом факультете в Свободном университете, куда был приглашен изначально, а также вел педагогические курсы в Варшавском университете.

¹² Институт (ныне – Академия) специальной педагогики был создан в 1921 г. выдающимся польским педагогом-дефектологом Марией Гжегожевской (1888–1967) для обучения лиц с особенностями развития и подготовки педагогов соответствующего профиля.

¹³ Геземанн Герхардт (1888–1948) – немецкий славист, профессор, в 1934–1935 гг. ректор Карлова университета, руководитель Славянского семинара, соредактор славяноведческого журнала «Slavische Rundschau».

¹⁴ Первая жена С.И. Гессена – Нина Лазаревна Глассен (урожд. Минор, 1886–1944?), брак с которой продолжался с 1909 по 1936 г. После оккупации Чехословакии нацистами оставалась в Праге, погибла в концлагере. Финансовое обеспечение бывшей супруги после развода составляло предмет особых забот философа.

¹⁵ Богатырев Петр Григорьевич (1893–1971), специалист по славянскому фольклору, этнографии и театру, переводчик, член Пражского лингвистического кружка. В 1939 г. вернулся в СССР, где продолжил научную и педагогическую деятельность.

¹⁶ Один из центральных сюжетов философско-педагогического и публицистического творчества С.И. Гессена в конце 1920-х – 1930-е гг. (см., в частности: *Гессен С.И.* Пятилетка и школьная политика советской власти [Гессен 1931, 67–77]). В силу непомерной загруженности ученого так и не был реализован в задуманном виде, но отчасти нашел отражение в книгах «Школа и демократия на переломе» и «Структура и содержание школьного образования», изданных по-польски.

¹⁷ См. прим. 9.

¹⁸ Вейнгарт Милош (1894–1939) – чешский филолог, секретарь Славянского общества в Праге, профессор Карлова университета, член Пражского лингвистического кружка.

¹⁹ Романа Осиповича Якобсона.

²⁰ Имеются в виду итальянские переводы книг «Основы педагогики. Введение в прикладную философию» и «Педагогика Д. Джентиле».

²¹ Не будучи знакома (нем.).

²² У С.И. и Н.Л. Гессенов было два сына. Старший – Евгений (1910–1944), выпускник Пражского политехнического института, один из наиболее ярких поэтов младшего поколения эмиграции,

остался с матерью в Праге, погиб в нацистском концлагере; младший – Дмитрий (1916–2001) – филолог-русист, переводчик, автор воспоминаний об отце, после окончания гимназии в Праге в 1937 г. переехал в Варшаву в семью отца.

²⁵ Д. С. Гессен.

²⁴ Речь идет об отце и сыне П.Н. Савицкого. Николай Петрович Савицкий-старший (1867–1942) – русский политический и общественный деятель, председатель Черниговской губернской земской управы (1906–1915), член Государственного совета (1915–1917), товарищ министра внутренних дел в правительстве гетмана П.П. Скоропадского, член Русского совета при генерале П.Н. Врангеле. Получал стипендию от Правительства ЧСР. Николай Петрович Савицкий-младший (г.р. 1935) – старший сын П.Н. Савицкого, чешский филолог-славист, переводчик.

*(Подготовка текста, публикация и примечания
В.П. Киржаевой и О.Е. Осовского)*